

вил: «А это наш». Тогда немец загоготал: «Врёте! Этот не ваш и тот не ваш». Кепов вобрал голову в плечи: ещё раз он почувствовал цену измены. Почему он не удрал вместе с немцами? Кепов объясняет: «Не хотел ставить на битую карту. Решил сыграть ва-банк». У него мирные картёжные термины и угодливые глаза. Но месяц назад он ещё выдавал немцам русских. Я спрашиваю его, что он чувствовал, когда Красная Армия подходила к Курску? Предатель глядит на меня пустыми, тусклыми глазами и отвечает: «Не скрою — животный страх». Он бормочет: «Немцы меня обманули...» В чём? Может быть, тосподин заместитель бургомистра обижен на высокомерие герра Бурхардта? Может быть, герр Кепов считает, что немцы должны были ему дать автомобиль? Но немцы бросили в Курске до тысячи груженных вагонов. Им было не до лакеев. Они выкинули предателей, как выжатые лимоны.

Немцы закрыли все учебные заведения. Но в Щиграх они открыли «курсы для полицейских». Они учили стрелять, арестовывать, реквизировать, вешать. Передо мной своеобразный документ — послание курсантов третьего выпуска коменданту Паулингу: «В полном сознании громадной ответственности за выполнение возложенных на нас обязанностей мы говорим вам, господин комендант, спасибо...»